

– Москва: Олимп; ООО “Издательство АСТ-ЛТД”, 1997.
– 432 с.

N. Burykina

FORMATION OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS
AS POSSIBILITY OF PERSONAL FORMATION OF THE
INDIVIDUAL IN THE TRANSITION PERIOD

Abstract: This article is about the problem that at the end of 20th century philosophy raises the question about the totalitarian person and totalitarian society; about refusal of personality from itself and about transformation of personality either into two-

legged creature in a crowd or into the sovereign of this crowd. The reasons for this phenomenon must be seen in the denial of an individual from self-consciousness. Due to such fact, it becomes essential to study the history of personal consciousness as the phenomenon; which is probably the crucial component in the beginning of self-realization of human being as an individual, and the humanizations of the ontological conditions of personality in 21th century.

Key words: totalitarian person, totalitarian society, the history of personal consciousness.

УДК 101.1 : 316

Вершилов С.А.

ПРОБЛЕМЫ САМОДОСТАТОЧНОСТИ КУЛЬТУРЫ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В ИХ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ АНАЛИЗЕ*

Аннотация: В наступившем столетии комплекс вызовов культуре военной безопасности [1] России не даёт возможности «впасть» в экзальтацию, что и предопределяет чувство тревоги ряда субъектов военно-политической практики. По причине богатых движением процессов глобализации актуализируется потребность в выявлении проблем самодостаточности исследуемого явления. Автор доказывает – основная из них заключается в отсутствии сплочённости в обществе и неадекватном осознании им угроз культуре военной безопасности.

Ключевые слова: культура военной безопасности, вызовы, самодостаточность, глобализация.

В эпоху глобализации роль культуры военной безопасности в обеспечении суверенитета страны приобретает особый статус, так как в современном мире значение военной силы при отстаивании государствами своих интересов только возрастает. Для России это особенно актуально сейчас, когда появилась реальная возможность восстановить утраченные позиции на своём геополитическом пространстве.

В этой связи, целесообразно рассмотреть проблемы самодостаточности культуры военной безопасности России. Представляется убедительной позиция ряда отечественных аналитиков, утверждающих, что позитивных изменений в культуре военной безопасности Российской Федерации, после исчезновения СССР с политической карты мира, не произошло [2].

К сожалению, характерным явлением сегодня выступает углубляющееся противоречие в понимании проблем самодостаточности культуры военной безопасности среди представителей различных ветвей власти. Кроме того, просматривается явное отсутствие глубокой интеграции между властью и населением страны. Но дефекты управления практикой культуры военной безопасности объясняются не только социально-нравственными качествами элиты. В нынешних условиях, согласно В.В. Согрину: «Уровень некомпетентности и непрофессионализма российских политиков, как и прежде, очень высок» [3, 16].

В такой ситуации, безусловно, любой шаг по ликвидации «дорогостоящего и затратного монстра» будет «одобрен» и «оправдан», что, собственно говоря, продолжается и сегодня. Так, по экспертной оценке В.И. Фартышева: «После некоторого видоизменения Вооружённых Сил страны говорить о повышении обороноспособности и возвращении авторитета армии пока не приходится.» [4, 475].

Как бы там ни было, но давно пора убрать «старые грабли» и приступить к «работе над ошибками». Кстати, это уже начинают понимать и в высшем военном эшелоне власти. Так, начальник Генерального штаба ВС РФ Н. Макаров, после агрессии Грузии против Южной Осетии, с прискорбием признал: «Чтобы найти человека в ранге подполковника, полковника, генерала, который бы мог уверенно руководить войсками, надо было их поштучно искать в Вооружённых Силах. Потому что штатные командиры, которые, просидев и

* © Вершилов С.А.

прокомандовав «бумажными полками и дивизиями», просто были не в состоянии решать вопросы, возникшие в ходе пятидневной войны» [5].

Вместе с тем, не совсем понятной представляется позиция Министра обороны страны А.Э. Сердюкова, который так и не выразил российской общественности в августе 2008 года свою точку зрения по поводу возникшего конфликта на Северном Кавказе. А ведь необходимо было, не теряя времени, «поштучно искать в Вооружённых Силах» офицеров, способных управлять войсками в условиях боевых действий. Но логика здравого смысла подсказывает, что она (позиция Министра обороны РФ) не расходится с мнением Премьер-министра России В. Путина: «У нас новый Министр обороны, новый начальник Генерального штаба, новый Верховный Главнокомандующий, а Вооружённые Силы доказали свою состоятельность решать сложные задачи». Об этом глава российского правительства поведал депутатам Государственной думы РФ в апреле 2009 года, отчитываясь перед ними о работе исполнительного органа. Во истину, правая рука не ведаёт, что делает левая.

В современных условиях российская военно-политическая элита предпринимает «скромные шаги» во изменение сложившегося состояния дел, или, по крайней мере, позиционирует себя в отношении культуры военной безопасности, что ближе к истине. Вывод здесь также очевиден – утверждения о потенциальных сдвигах в военной области явно носят *декларативный характер* и в этом, пожалуй, не приходится сомневаться. Как видится, происходит показ устойчивого желанья субъектов военно-политической практики выдать возможность за действительность.

Совершенно очевидно, при отсутствии самодостаточности культуры военной безопасности, задачи перед ней предстают далеко не шуточные. Кроме того, развитие процессов глобализации свидетельствует о том, что проблемы исследуемого социального явления становятся весомей, количество и разнообразие адресных вызовов, затрагивающих российские интересы в военной области, не уменьшаются. Такая, далеко не радужная, картина с непрекращаемой необходимостью требует повышения значимости культуры военной безопасности, как неперемного условия позитивного развития личности, общества и государства.

Нетрудно обнаружить, что с целью минимизации всевозможного проявления деструктивизма по отношению к Российской Федерации, следует актуализировать деятельность по налаживанию функционирования всех элементов культуры военной безопасности. Но, если решение этой задачи подчинено совершенствованию обороны страны, то призывами и модными лозунгами

явно не обойтись, поскольку здесь важен анализ причин негативного состояния культуры военной безопасности. При этом целесообразно выявить глубинные основания, наиболее серьёзно замедляющие её развитие, поскольку без их ликвидации вся последующая военная практика по реформированию может оказаться в очередной раз неадекватной реальности, а, следовательно, никому не нужной и напрасной. Иными словами, как справедливо полагает А.И. Николаев: «Необходима обстоятельная, кропотливая, интеллектуальная и организаторская работа на всех уровнях государства и общества» [6, 363]. Как видится, решение данной проблемы будет продуктивным и социально-философских позиций.

Несмотря на кажущуюся очевидность и ясность, постижение проблем самодостаточности исследуемого явления, порождающих его деструктивные следствия, достаточно сложно. С большой долей вероятности можно утверждать, что их (проблемы) необходимо «компоновать», хотя и достаточно условно, по нескольким группам. Наше видение этих групп таково.

Первая группа проблем. Существуют собственно «военные» проблемы, отражающие специфику деятельности, например, такие как эффективность руководства воинскими подразделениями или состояние военной техники и вооружений. Логично предположить, что они включают в себя общесоциальные, общепсихологические точки зрения и достаточно часто вызваны состоянием социальной системы в целом: науки, образования, духовной сферы или сферы социального регулирования. Вместе с тем, здесь возможно и вполне определенное их разграничение.

Вне всякого сомнения, в поле зрения сконцентрированы проблемы, выявленные из «внутреннего» содержания культуры военной безопасности. Логика мышления указывает на их связь с предназначением исследуемого явления. Вместе с тем, проявляются отличия таких разновидностей производства действий, как боевая и мобилизационная подготовки, эксплуатация вооружения и боевой техники и некоторых других, имеющих место в процессе обеспечения самодостаточности культуры военной безопасности.

Кроме того, рассматриваемая группа причин недостаточной действенности исследуемого явления включает в себя проблемы, которыми его негативное состояние ограничено непосредственно. Применительно к культуре военной безопасности эти проблемы, требующие своего разрешения, следует обозначить как внутренние. К ним сегодня надо отнести следующие: – низкий уровень технической оснащённости (количественной и качественной) элементов, составляющих культуру военной безопасности, прежде всего, Воо-

руженных Сил; – наличие серьёзных изъянов в структуре исследуемого явления и его отдельных элементов; – недостатки в развитии военного искусства, вобравшие в себя серьёзную совокупность вопросов: от теоретических исследований в сфере военной безопасности до практического внедрения и внесения поправок в те или иные подходы для решения вопросов в рассматриваемых пределах деятельности; будет правомерным отнести сюда же военно-политическую концепцию государства, его теорию и практику подготовки страны и Вооружённых Сил к войне, степень способности (состояние) военно-политического руководства решать задачи в военной области; – неудовлетворительное состояние морального духа военнослужащих и отдельных подразделений, которые являются составной частью культуры военной безопасности. Проблемы данной группы достаточно часто выступают в роли основных причин, негативно влияющих на качество решения задач военного строительства.

Трудно подвергнуть сомнению тот факт, что передовые технологии сегодня становятся главной ареной конкуренции, а научно-техническая сфера – важнейшим фактором геополитики. Глобализация рынка научных разработок, технологий, высокотехнологичной продукции выводит новые страны в международные лидеры. И в этом смысле, представляется убедительной позиция И.Ю. Золотова и Е.З. Тужикова, которые утверждают: «...только государства с мобильным, динамично развивающимся научно-технологическим комплексом могут сохранить свои позиции в этой глобальной гонке» [7, 9].

Вместе с тем, следует отметить, что не представится возможности изменить что-либо в культуре военной безопасности, если подходить к решаемому вопросу чисто технически, стремясь наполнить армию новой техникой. А впрочем, нет, и об этом справедливо замечает Л.Г. Фишман: «...получить иллюзию военной безопасности удастся, но до того времени, как в следующий раз «очередная Грузия» подготовится лучше» [8, 32].

Первая группа проблем включает в себя также изъяны в морально-психологическом самочувствии людей в погонах, в состоянии духа армии, в организации военного образования, службы, боевой учебы и другие. Несмотря на то, что это проблемы элементов культуры военной безопасности, всё же их реализация происходит не только внутри исследуемого явления – называются внутренними, потому что действуют на него изнутри.

Как бы там ни было, они (проблемы), в большинстве своём, устанавливаются иной **группой проблем (второй)**, что возникают за пределами культуры военной безопасности. Данная группа представлена сложными вопросами, характер и

ответы на которые вполне совместимы с социальной общностью всего российского государства. Логично представить, что наиболее весомыми основаниями, не дающими возможность реализовать самодостаточность культуры военной безопасности, сегодня являются: – неудовлетворительная степень экономического развития российского государства и почти полное отсутствие динамики её изменения в лучшую сторону; – устойчивое несоответствие военно-политического руководства своему функциональному предназначению и, как результат, непрекращающиеся провалы в оборонной деятельности; – постоянная нехватка имеющихся в наличии у субъектов военно-политической практики ключевых запасов (источников) – природных, финансовых, материальных, людских, интеллектуальных, духовных, или – что, скорее всего, нерациональное их размещение на благо личности, общества и государства.

Вне всякого сомнения, становится вполне понятным и предельно ясным, что рассматриваемая группа неразрешённых вопросов в эпоху глобализации представляет достаточно существенный по своему содержанию вызов как для развития и функционирования российского общества – в целом, так и для культуры военной безопасности – в частности.

Отсюда ещё одна, **третья группа проблем**, которая касается качества коммуникации ведущих социально-политических групп и страт общества между собой, а также их отношения к культуре военной безопасности.

Спору нет, с одной стороны, мировоззрение предстаёт немаловажным элементом исследуемого явления, способным повлиять на его развитие. А, с другой – культуру военной безопасности необходимо принять в качестве актуализации и формализации идеологического уровня, тесно связанного с восприятием обществом реальной действительности.

С большой долей вероятности можно утверждать, такой подход к идеологии позволяет воспринимать её как сознание, воплощённое в практических делах и держащее ответ за полученные результаты, что в XXI-м столетии имеет немаловажное значение для медленно обновляющейся России. «Никогда прежде – справедливо замечает В.И. Мильдон, – личная жизнь человека не зависела в такой степени от его свободного выбора и от его личной же ответственности за этот выбор, иначе его нельзя признать свободным» [9, 55].

К сожалению, в эпоху глобализации *мировоззренческий элемент культуры военной безопасности* для ряда фигур военно-политического истеблишмента означает узкий прагматизм и стремление извлекать из всего материальную

выгоду. И совсем не случайно, что в такой ситуации практическая реализация сложных вопросов исследуемого явления отстывает на второстепенные позиции. Подобное видится, во-первых, из-за того, что объект ответственности «разбивается на мелкие части» по причине противоречивой не-сводимости социума, а также не имения в наличии внешнего проявления альтруистского социального субъекта в лице конкретного сплочённого общества. Во-вторых, по отношению к остальным членам национального сообщества, признаки безответственности деятельного военно-политического субъекта, наделённого властью, становятся результатом явно завышенной планки его эгоистического сознания.

Логика мышления подсказывает, что ни в первом, ни во втором случаях, а тем более в их совокупности, культура военной безопасности не сможет проявить свои лучшие качества. По мнению В.А. Шупера: «Жизнь в таких условиях порождает расслабленность и праздность, а не приверженность строгому порядку и дисциплине» [10, 13]. Но как раз без реализации только что заявленного, достаточно сложно осуществить защиту от вызовов и угроз военного характера, которые лавинообразно множатся в эпоху глобализации.

Таковы проблемы культуры военной безопасности третьей группы, которые целесообразно обозначить как мировоззренческие. В то же время автор считает, что будет практически полезным внести ясность: осуществление какой из рассмотренных групп проблем имеет виды на будущее и, следовательно, представляет собой первостепенное значение? Думается, что ответа, который следовало бы считать единственно верным, видимо, не достаточно, и он не имеет «права на жизнь». С одной стороны, даже полновесная реализация социальных проблем, при отсутствии адекватного отношения к «внутренним» противоречиям культуры военной безопасности, вряд ли, скажется положительно на обороноспособности страны и отстаивании военно-политических интересов общества. А, с другой – результативное разрешение «внутренних» нестыковок исследуемого явления так и останется возможностью, не воплотившейся в действительность, в случае, если они не будут иметь фундамента, каковым является эффективная реализация социальных вопросов. Вместе с тем, и первая, и вторая группы проблем, вне всякого сомнения, предопределяются третьей, концептуально-идеологической, ибо, как справедливо утверждает Г.Д. Сухарчук: «Человек без веры, без нравственной узды, способен на самые бесчеловечные деяния» [11, 39].

Нельзя не обратить внимание и на такую существенную причину низкой эффективности культуры военной безопасности, как недооценка рос-

сийским обществом имеющихся потенциальных вызовов. Складывается впечатление, что историческая память российской нации в одночасье приобрела далеко не безопасную избирательность и «слепоту» [12, 237]. Споры нет, в России немало субъектов, заявляющих о негативном состоянии обороны государства. Они постоянно заявляют о необходимости помнить уроки войн и просчёты в вооружённых конфликтах [13].

Вместе с тем, военно-политическое легкомыслие в отношении наличествующих вызовов всё глубже закрепляется в сознании значительной части россиян. Кроме того, огромными усилиями пережитые в разные периоды нацией военные катастрофы, со временем, для многих членов общества почему-то утрачивают свою значимость. Исторические факты, которые были связаны с тяжёлыми трагедиями и неизмеримым горем для людей, в «лучшем случае», отождествляются в качестве «абстрактных» социальных процессов, не касающихся проблем современного российского общества. А ведь не подлежит сомнению то обстоятельство, что именно история предполагает внимательное осознание ситуативного и перспективного развития России, актуализирует потребность в бережном и внятном отношении к решению существующих противоречий культуры военной безопасности.

Следовательно, значительное деструктивное воздействие на культуру военной безопасности России имеют явления, усугубленные несогласованностью разных по своему статусу слоёв населения нашей страны. Помимо уже обозначенных причин, подобное проявляется еще и потому, что общественное бытие не признаёт вакуума и в мировоззренческом аспекте – свято место пусто не бывает. Как бы там ни было, но отсутствие долгосрочных целей государства и недостаток идей российского объёма привели к возникновению вируса эгоизма. Нельзя не согласиться с утверждением Н.К. Столяровой: «В такой ситуации распад душ, отсутствие стремлений становиться лучше, сверять каждый свой поступок с совестью могут сыграть трагическую для судьбы нашей Родины роль» [14, 72].

Таким образом, *главные проблемы самодостаточности отечественной культуры военной безопасности* – не в недостатке материальных и финансовых средств. Как представляется, заключаются они и не в типичных препятствиях культуре военной безопасности внутреннего свойства и никак не во влиянии на российский социум сил извне – существующие провалы российского сообщества в военной области в нём самом. Основной из них вобрал в себя отсутствие сплочённости в обществе и неадекватное осознание им всей степени опасности, что и предопределяет

низкий уровень культуры военной безопасности. Кроме того, не просматривается сама цель – эффективная самодостаточность культуры военной безопасности, а также желание и воля субъектов практики в её формировании и достижении.

Трудности в функционировании исследуемого явления целесообразно объединить в три группы проблем. Первую условно следует определить как внутренние проблемы культуры военной безопасности. Они представляют собой внешнюю оболочку всей совокупности противоречий заявленного в теме статьи явления. Второй основательный уровень проблем – общегосударственный – отражает более значимые нерешенные вопросы культуры военной безопасности, касающиеся невысокой эффективности экономики, производства, образования, правовой сферы и так далее. Третий, *наиболее глубокий уровень* проблем культуры военной безопасности, целесообразно назвать мировоззренческим. Именно в его рамках приобретают объективную окраску ценности личности, общества и государства. Значимость данного уровня, в сравнении с первыми двумя, имеет субстанциональный характер и усугубляет возможность достижения самодостаточности культуры военной безопасности.

Вот почему, ступени подчинения названных уровней представляются такими: не ликвидировав существующих проблем более основательных – третьего, а следом второго, претворение в жизнь первого уровня окажется маловероятным, а при череде негативных условий – не реальным. Спору нет, в значительной степени низкая эффективность изменений в культуре военной безопасности предопределена тем, что субъекты практики, как правило, не замечают данной последовательности. При таком раскладе множатся трудности в решении проблем исследуемого явления, исправление которых явно потребует дополнительные усилия и затраты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Авторское понимание культуры военной безопасности следующее: *культура военной безопасности* – это пласт военно-политических отношений, предназначенный и реализуемый для исключения попыток деструктивных сил нанести ущерб военными средствами существованию мирового сообщества.
2. См., например: Антюшин, С.С. Военная безопасность как фактор стабильности Российского общества (социально-философская концепция) / С.С. Антюшин. – М., ВУ, 2004. – С. 106; КОРТУНОВ, С.В. Диалектика национальной и международной безопасности: некоторые методологические проблемы // Полис. – 2009. – № 1. – С. 28; Серебрянников, В.В. Упущенные возможности предотвращения войны // Свободная мысль. – 2009. – № 3. – С. 40; Макаров, П. Проблемы обеспечения военной безопасности // Безопасность Евразии. – 2008. – № 1. – С. 453-456; Фартышев, В.И.

- Последний шанс Путина (Судьба России в XXI веке) / В.И. Фартышев. – М.: Вече, 2005. – С. 475; Фишман, Л.Г. Можно ли вернуть армию в общество? // Свободная мысль. – 2009. – № 3. – С. 21; Щипалов, В.В., Кравченко, В.Ю. Приоритеты Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности: проблемы обеспечения военной безопасности // Безопасность Евразии. – 2007. – № 4. – С. 427-437.
3. Согрин, В.В. Взлёт и крушение российских утопий // Общественные науки и современность. – 1995. – № 3.
 4. Фартышев, В.И. Последний шанс Путина (Судьба России в XXI веке). / В.И. Фартышев. – М.: Вече, 2005.
 5. Цит. по: Фишман, Л.Г. Можно ли вернуть армию в общество? // Свободная мысль. – 2009. – № 3. – С. 21. Об этом же пишет В.В. Серебрянников: «На поиски Министра обороны в день вторжения грузинской армии было потрачено более десяти часов». – Серебрянников, В.В. Упущенные возможности предотвращения войны // Свободная мысль. – 2009. – № 3. – С. 40.
 6. Николаев, А.И. Россия на переломе (На переломе. Записки русского генерала). 2-е издание, переработанное и дополненное / А.И. Николаев. – М.: Современный писатель, 1999.
 7. Золотов, И.Ю., Тужиков, Е.З. Фундаментальная наука – основа военно-технической и технологической безопасности государства // Военная мысль. – 2009. – № 1.
 8. Фишман, Л.Г. Можно ли вернуть армию в общество? // Свободная мысль. – 2009. – № 3.
 9. Мильдон, В.И. Индивидуализм и эгоизм (введение в современную этику) // Вопросы философии. – 2008. – № 6.
 10. Шупер, В.А. Россия в глобализированном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. – 2008. – № 12.
 11. Сухарчук, Г.Д. Восток – Запад: историко-психологический водораздел // Вопросы истории. – 1998. – № 1.
 12. Рыбалкин, Н.Н. Философия безопасности / Н.Н. Рыбалкин. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2006.
 13. См., например: Гареев, М.А. Если завтра война... (Что изменится в характере вооружённой борьбы в ближайшие 20-25 лет) / М.А. Гареев. – М., 1995. – 238 с.; Даниленко, И.С. От прикладной военной науки – к системной науке о войне // Военная мысль. – 2008. – № 10. – С. 23-32; Он же. От прикладной военной науки – к системной науке о войне // Военная мысль. – 2008. – № 11. – С. 18-27. Николаев, А.И. Уроки очередной войны на Балканах / А.И. Николаев // Россия на переломе. – М., 1999. – С. 333-361; Чебан, Вал.В. Уроки вооружённых конфликтов на территории бывшего Советского Союза / Вал.В. Чебан // Геополитическое положение и военная безопасность России. – М., 1997. – С. 92-107; Чебан, Вал. В. Ошибки в ликвидации вооружённых конфликтов / Вал. В. Чебан // Геополитическое положение и военная политика России. – М., 2001. – С. 73-82; Чебан, Вал.В. Культура национальной безопасности России (социально-философский анализ). Монография / Вал.В. Чебан. – М., 1996 – 145 с.

14. Столярова, Н.К. Уроки нашей жизни / Н.К. Столярова. – М.: «Полимаг», 2001.

S. Vershilov

THE PROBLEMS OF SELF-SUSTAINABILITY
RUSSIA'S MILITARY SAFETY CULTURE IN SOCIALLY-
PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Abstract: The complex of calls to military safety culture of Russia doesn't give a chance to feel an exaltation present century. This situation predetermines

a sense of alarm some subject's of military and political practice. The need to reveal problems globalization's self-sufficiency is urgent due to its continually changed processes. The author proves, that one of the main problems is the absence of society's solidarity and its unadequate realization the degree of threats to military safety culture.

Key words: military safety culture, calls, a self-sufficiency, globalization.

УДК 791.43.03

Виноградов В.В.

ПЕРВАЯ МОДЕЛЬ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В КИНЕМАТОГРАФЕ, ИЛИ: ОКРУЖАЮЩЕЕ ГЛАЗАМИ БРАТЬЕВ ЛЮМЬЕР*

Аннотация: Статья посвящена описанию первой кинематографической модели репрезентации мира. Проблема описания этой модели не является сугубо искусствоведческой, а имеет широкое культурологическое значение, в силу того, что именно кинематограф создал модель, которая станет основной в культуре XX века: человек – преграда, сужающая его взгляд, затрудняющее его зрение – сама реальность. Этому взгляду в кинематографе предшествовала иная модель, характеризующаяся как «пустое рассматривание», слепая фиксация происходящего, ставшая реализацией некоего всеобщего культурного ожидания. Первая модель репрезентации кинопространства явится той точкой отсчета, которая приведет новую «машину зрения» к статусу искусства.

Ключевые слова: модель репрезентации пространства, кинематограф, братья Люмьер, «машин зрения», кинематограф как искусство.

Что же увидел зритель первых люмьеровских роликов? Прежде всего, признаки утверждения буржуазного общественного идеала и свидетельства счастливой жизни, воцарившейся в период «Бель эпок». Как известно, фильмы Люмьеры начинают снимать в своих владениях (Де Пляж, Монплеизир, Ля Сиота). «Выход рабочих с фабрики Люмьер» символизировал гордость предпринимателей своей фирмой: в Монплеизир - внушительное число работников. Ролик «Кормление младенца» – образец идиллического семейного счастья. Популярнейший мотив воскресного путешествия горожан за город (пребывание в символическом эдеме), зазвучавший в импрессионистской литера-

туре и живописи периода «Бель эпок», естественно находит свое отражение в первых киноработах – «Катание на лодке», «Выход из порта Сиота» и др. Еще одно невинное развлечение – господа Люмьеры играют в карты («Партия в экарте»).

От всех этих репрезентаций веет простоватым добродушием и сентиментальностью. По выпуску подобных сюжетов к Люмьерам скоро присоединятся многие французские кинопредприниматели. Этот огромный материал, документирующий обыденную жизнь, создает ощущение абсолютной «будничной радости», достатка и заурядности всего происходящего, словно страна устала от своей истории, возведя в качестве идеала утонченного и изнеженного привычными наслаждениями обывателя. Отныне человек живет спокойно, независимо и совершенно свободно от решения больших задач, свидетельствуя, что дух пассионарности находится в стадии надлома. Публику забавляет наблюдать за собой в отраженном зеркале кинематографа, она жаждет увидеть себя на экране, реализуя по своей сути, городской миф жизни «на людях». Человек одновременно и смотрел, и смотрелся в это отражение.

Естественно, что главным местом наблюдения за жизнью во Франции становится Париж. В скором времени после выхода первых лент братьев Люмьер появляется огромное количество минутных роликов, описывающих жизнь горожанина в наиболее значимые и привычные моменты: посещение церкви, воскресные прогулки, праздники, спортивные развлечения и пр., по тематике скорее напоминающие фотографии семейного альбома. Создается своего рода цензурная летопись буржуазного общества или скорее «буржуаз-

* © Виноградов В.В.